

МОЗАИКА СТРАНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: КАЗУСНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД

Оксана Гаман-Голутвина
МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ

Аннотация: Статья посвящена уточнению эвристических возможностей казусно-ориентированного подхода (изучение случая, *case-study*) в сравнительной политологии. Данный подход соотносится с *идеографическим* знанием в рамках разделения гносеологии на *номотетические* (постижение закономерностей) и *идеографические* (описательные) науки (В. Виндельбанд); с *понимающим* знанием в рамках разграничения *объясняющих* и *понимающих наук* (В. Дильтей) и насыщенным (*thick*) описанием в отличие от «ненасыщенного» (*thin*) (К. Гирц).

Благодаря идентификации различных типов знания казусно-ориентированный подход обретает объемное звучание, смысл и содержание, открывает возможности углубленного развития политико-теоретических концептов на референтном для темы материале и позволяет получить богатую деталями и конкретикой фактуру. Востребованность казусного подхода во многом определена ограниченностью ресурсов, необходимых для исследования значительного числа стран, порой — языковыми или географическими ограничениями.

Специфика *case-study* определяет такое важное требование к выбору случая, как обоснованный выбор объектов изучения. Поскольку центральным объектом политической науки выступают политические институты и процессы, и, учитывая центральную роль государства как ключевого института политической архитектуры, ядром страноведческих изысканий выступают конфигурация государства и производимая им политика. Ввиду того, что понятие государства является зонтичным термином и характеризуется концептными натяжками, потенциально оно может быть применимо для политий различных времен, что формирует запрос на уточнение понятийного аппарата для рассмотрения государства в качестве категории политической науки.

Поскольку в условиях международной анархии государства как самостоятельные акторы определяют «правила игры», именно уровень государств как единиц анализа лежит в основе структурных и системных исследований международных отношений и мировой политики: суверенные государства выступают базовыми «ячейками» современного мироустройства, несмотря на возрастающую значимость негосударственных акторов. Позиция государства в иерархичной международной системе производна от его национальной мощи, которая в рамках классических подходов трактуется как производная от таких параметров, как территория, население, экономика, военный потенциал, включая его ядерный компонент.

Предлагаемый выпуск «Сравнительной политики» содержит многообразную панораму *case-studies*, характеризующих разнонаправленную по содержанию эволюцию ряда политий, включая некоторых участников БРИКС и членов ЕС.

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина — доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент РАПН, главный редактор журнала «Сравнительная политика», член Общественной палаты РФ и Общественной палаты Москвы, член-корреспондент РАН, профессор-исследователь НИУ ВШЭ.

ORCID: 0000-0002-2660-481X. E-mail: ogaman@mail.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ключевые слова: сравнительная политология, case-study, казусно-ориентированный подход, государство, национальная мощь, БРИКС

Последняя четверть XX века была отмечена масштабным взлетом глобализации, результатом которой, как ожидалось многими, могло стать возрастание гомогенности политических культур, систем и мирового политического ландшафта в целом, по крайней мере, его видимого измерения. По прошествии первой четверти XXI в. можно с определенностью констатировать, что, несмотря на активную коммуникацию и определенное сближение политических стандартов и моделей политической организации различных макрорегионов и политий, гетерогенность и полифония мирового политического ландшафта сохраняется, тогда как сама глобализация вошла в полосу кризиса. Включенное в данный выпуск многообразие изучаемых стран и тематик наглядно это иллюстрирует. Политико-системное многообразие, на наш взгляд, выступает неизбыточным свойством цивилизационной гетерогенности мира, что, в свою очередь, является фактором витальности мирового сообщества. Одновременно это ставит непростую эвристическую задачу нахождения адекватных методов познания этого разнообразия. В этой связи рассмотрение конкретных случаев позволю себе предварить размышлениями методического плана и характеристикой актуального контекста страноведческих исследований.

Прежде всего следует отнестись к разделению в рамках социальных наук в целом и в политической науке в частности двух больших областей научного знания. Одна охватывает теоретическое или номотетическое (законоустанавливающее) знание, другая содержит описание и интерпретацию наблюдаемой фактуры. Подобное разделение осуществил еще в конце XIX в. Вильгельм Виндельбанд, который противопоставил «науки о законах», или *номотетические науки*, в первую очередь естественные, «наукам о событиях», или *идеографическим*, в первую очередь истории. По мысли Виндельбанда, целью номотетического метода является установление общих закономерностей, изучение свойственных целому классу типических черт. Идеографический метод позволяет постичь уникальность и воспроизвести индивидуальность.

Сходные с размышлениями Виндельбанда идеи практически одновременно с ним развивал Вильгельм Дильтей, предложивший разделение наук на *объясняющие* и *понимающие*.

Разграничение идеографических и номотетических дисциплин созвучно также предложенному Клиффордом Гирцем разграничению «насыщенного» (*thick*) и «ненасыщенного» (*thin*) описания, что было определено его стремлением к воспроизводству антропологических характеристик различных сообществ. «Насыщенное описание» (*thick description* как антипод *thin description*)

предполагало максимально богатую параметрами и свойствами характеристику изучаемого объекта в отличие от «ненасыщенного описания», фокусированного преимущественно на описании фактов.

Политическая наука объемлет оба типа гносеологии при выраженном акценте на номотетическом типе знания, нацеленном на выявление закономерностей политической сферы. Вместе с тем идеографическое описание, позволяющее представить богатое деталями и конкретикой знание, также находит широкое применение в политологии. Этому типу эпистемологии соответствует казусно-ориентированный подход – изучение случая (*case-studies*) – который одновременно является и методом изучения.

Case-study является качественным исследованием малого числа объектов, характеризуется получением «насыщенного» (*thick*) знания, предполагает изучение объекта в конкретный момент или отрезок времени (Herron & Quinn, 2016) и означает детализированное рассмотрение одного случая, проливающее свет на более обширный класс сходных явлений (Гаман-Голутвина, 2015).

Преимущества казусно-ориентированного подхода заданы тем, что этот формат благодаря производству богатого деталями знания (*thick*) отдельного случая способствует развитию концептов и теории (Гаман-Голутвина, 2005). В свое время Д. Аптер отмечал достоинство казусно-ориентированного подхода: «Преимущество моноисследования – его глубина, внимание к внутренним характеристикам социальной и политической жизни одной страны и к какой-то одной проблеме... ничто так не обнажает недостатки сверхобобщенных сравнительных теорий, как добротное моноисследование, так называемое case-study: оно рассматривает взаимосвязи подсистем, выявляет новые связи и переменные политических процессов, которые могут остаться незамеченными при проведении исследований национального правительства или местных властей» (Аптер, 1999). Позже Дж. Герринг в своей известной работе «Изучение случая: исследовательские принципы и практики» детально характеризовал преимущества изучения конкретных случаев. По мысли Герринга, этот формат приближает нас к пониманию причинно-следственной связи на основе конкретных случаев, поскольку они направлены на сохранение структуры и детализации отдельных случаев, особенностей, которые часто теряются при анализе большого числа перекрестных случаев (Gerring, 2017).

Ч. Рэгин оспаривал традиционное понимание компаративного исследования как сопоставления двух или более объектов, поскольку на деле «многие специалисты по отдельным регионам являются полноценными компаративистами: они по факту сопоставляют объект исследования с собственными странами или с вымышленными, но убедительными теоретически идеальными типами» (Ragin, 1987). Действительно, формально рассмотрение одного случая вряд ли может считаться подлинно сравнительным. Компаративный статус обеспечен тем, что исследователь, изучающий какую-либо страну, де факто

сопоставляет ее с другой, хорошо известной ему. Классическим примером может служить опыт А. Токвиля, который, осваивая политические реалии США, сопоставлял их с французской политикой.

Подобный тип рассмотрения открывает возможности углубленного развития политико-теоретических концептов на референтном для темы материале. Данную стратегию Р. Роуз назвал «экстравертным *case-study*» (Rose, 1991), что позволяет провести тщательное изучение одного случая в контексте существующей теории с целью ее обогащения и развития посредством учета полученных данных. Хрестоматийным примером в данном отношении может считаться концептуализация А. Лейпхартом опыта консоциации в Нидерландах (Lijphart, 1975; Lijphart, 1971). Другим классическим опытом является работа Р. Патнэма о развитии гражданской культуры Италии (Putnam, 1993), что позволило автору углубить понимание социального капитала и проецировать его для изучения процессов демократизации.

Наиболее эффективной из стратегий *case-study* является рассмотрение *отклоняющегося случая*, который дает возможность либо подтвердить существующую теорию, либо отвергнуть ее.

Востребованность казусного подхода во многом определена ограниченностью ресурсов, необходимых для исследования значительного числа стран, порой — языковыми или географическими ограничениями. Так что независимо от конкретных задач конкретного исследования, значительное число резонансов определяют востребованность одноказусных исследований в современной политической науке (Гаман-Голутвина, 2020).

Специфика *case-study* определяет такое важное требование к выбору случая, как репрезентативность: предполагается, что изучаемый объект обладает сходными с генеральной совокупностью характеристиками (Gerring, 2015; Bates, 2007; Badie, Berg-Schlosser & Morlino, 2011). Однако справедливость требует признать, что данное требование редко бывает полностью реализовано. В любом случае важным требованием этого типа исследований выступает обоснованный выбор объектов изучения. Поскольку центральным объектом политической науки выступают политические институты и процессы, и учитывая центральную роль государства как ключевого института политической архитектуры, уместно предположить, что ядром страноведческих изысканий выступают конфигурация государства и производимая им политика. По сути, именно в этой логике размышляют и авторы настоящего выпуска журнала при рассмотрении конкретных случаев, по умолчанию исходя из того, что системной рамкой рассматриваемых конкретных казусов выступают национальные государства. Не случайно Г. Алмонд констатировал, что государство традиционно являлось и продолжает оставаться фокусом политологических изысканий (Almond, 1988).

Однако констатация Алмонда оставляет вопросы. Что следует понимать под термином «государство» в данном контексте? Дело в том, что понятие государства является зонтичным понятием и характеризуется выраженными

концептными натяжками (Sartori, 1970), так как потенциально может быть применимо для политий различных времен, обладающих самостоятельностью различного масштаба и способностью вступать в межполитийные отношения (Ильин, 2008; Mikaberidze, 2011).

Поэтому в современной литературе отмечается острая потребность в уточнении понятийного аппарата для рассмотрения государства в качестве категории политической науки, в том числе посредством разведения понятия *государства* как *ансамбля институтов* власти и управления и особой сферы общественных отношений, *национального государства* (и его несинонимичных изводов – государства-нации и нации-государства) как модели политико-институциональной организации гражданской, правовой и культурной общности и *национально-территориального государства* как формы организации власти и опоры суверенитета в рамках административно-территориальных границ (Семененко, Лапкин & Пантин, 2020). В частности, в литературе могущество (мощь, сила) и влияние нередко используются как синонимы, что, в свою очередь, связано с рядом недостаточно проясненных теоретико-методологических вопросов (Мельвиль, 2018: 180). В этой связи справедливым представляется суждение П. Стейнбергера: *«Идея государства заключается в том, что само государство является идеей или, скорее, невероятно сложной и всеобъемлющей структурой (совокупностью) идей»* (Steinberger, 2015). Это определяет ограниченность проведения компаративных исследований рамками одной международной политической системы.

Кроме того, в рамках одной и той же международной политической системы не все государства являются сопоставимыми с точки зрения степени *типа акторности* (Wendt, 1987). В свое время Л. Клод предостерегал исследователей от чрезмерного обобщения политий и академической предвзятости на данном уровне анализа, называя «мифом» представление о том, что *«все государства являются похожими горошинами в одном стебле»* (Claude, 1988). Эмпирически это может проявляться, например, в существовании непризнанных и частично признанных государств, которые не входят в систему ООН. Тайвань, Сомалиленд, Приднестровская Молдавская Республика и Косово одновременно могут как считаться государствами обладающими определенной степенью государственной состоятельности, так и не быть ими вовсе, так как они не имеют международно-политического признания со стороны других признанных суверенных государств. Это позволяет Б.А. Барабашу констатировать, что проведение компаративного анализа суверенных государств имеет как минимум три ограничения: временной контекст, степень акторности, масштаб неравновесности (Барабаш, 2025).

Еще одно значимое измерение темы – это *типология* государств. Концепт государства обширен и покрывает значительный класс явлений в широком диапазоне, отличных по многим критериям. *По статусу, по степени и объему признания* – полноценные члены ООН, частично признанные и непризнанные государства. *По уровню развития*, измеряемому посредством ВВП на душу

населения; по обладанию традиционными факторами конкурентоспособности – территория, население, ресурсы. По эффективности реализации атрибутивных функций – состоятельные и *failed states*, между которыми – совокупность промежуточных форм.

Интерпретация критериев успешности и устойчивости современных государств активно дискутируется сегодня исследователями, и одним из результатов этих дискуссий может стать преодоление давно установившегося фокуса на режимных критериях в оценке современных государств. Параметрами оценки при сравнении разных государств мира в тенденции могут оказаться не столько их режимные характеристики, сколько их стабильность и эффективность (Мельвиль, 2024).

В условиях международной анархии, понимаемой как отсутствие единой верховной власти в лице центрального правительства на глобальном уровне, государства как единственные самостоятельные и независимые акторы в полном смысле этого слова определяют «правила игры» и преобразовывают их на всех уровнях политического пространства (Клепацкий, 2009). В этой связи неудивительно, что уровень государств как единиц анализа лежит в основе структурных и системных исследований международных отношений и мировой политики, ориентированных на всестороннее понимание положения (места), статуса, роли, функций и других фундаментальных характеристик отдельных государств в рамках конкретного сложившегося мирового порядка (Барабаш, 2025). Не случайно говорящее название – «Возвращение государства» (Evans, Rueschemeyer & Skocpol, 1985) – знаковой работы авторитетных авторов, опубликованной еще в тот период, когда глобализация считалась общепризнанным мейнстримом.

Позиция Т. Скочпол и соавторов разделяется и большинством отечественных авторов. Так, ее сформулировал, и также в тот период, когда доминирование глобализационного тренда не подвергалось сомнению, в частности, А.А. Кокошин (Кокошин, 2005), полемизируя с широко распространенным в 1990-е гг. представлением о размывании границ государства, об уходе государств на вторые роли в мировой политике и передаче их функций другим игрокам. Это представление было не беспочвенным, поскольку на протяжении последних десятилетий негосударственные акторы, прежде всего транснациональные корпорации, используя новейшие достижения современного технологического развития, стремились расширить (и масштабно расширили) свои возможности и влияние за счет сокращения возможностей национальных государств. «Вместе с тем потенциал влияния ТНК не достиг того уровня, который бы позволял им оттеснить на второй план нации-государства как главных субъектов мирополитической системы. Более того, в последние 10–15 лет в мировой политике явно возрастает роль нации-государства по сравнению с негосударственными акторами» (Кокошин & Кокошина, 2024).

Коротко говоря, суверенные государства «остаются базовыми “ячейками”» сегодняшнего мирового устройства, хотя при этом все более значимыми для глобального и регионального развития становятся негосударственные акторы. Важно учитывать, что, во-первых, сами государства (как и их суверенность) всегда сущностно разнородны по своим внутренним характеристикам и по потенциалу мощи и влияния во взаимоотношениях между ними и в международных делах в целом. Во-вторых, государства и их свойства, как и характер их могущества и влияния, историчны. Соответственно не только сами государства имеют различный «эволюционный возраст», но и их могущество и влияние определяются сложными процессами наследования, воспроизводства и видоизменения ряда характеристик и компонентов (Мельвиль, 2018).

Ввиду вышесказанного, позиция государства в иерархичной международной системе производна от его национальной мощи. А.Ю. Мельвиль отмечает, что общая структура могущества и влияния современных государств многослойна, а ее динамика обусловлена сочетанием традиционных и новых факторов и компонентов. Как могущество, так и влияние государства основаны на наличии определенных ресурсов и возможностей материального и нематериального свойства (Мельвиль, 2018). Трудно оспорить очевидную мысль о том, что могущество и влияние должны в первую очередь определяться в категориях потенциалов или возможностей (Mokken & Stokman, 1976), однако вопрос относительно иерархии факторов мощи остается открытым, и дискуссии по этому поводу продолжают.

В рамках классических подходов к пониманию факторов национальной мощи последняя трактуется как производная от таких параметров, как территория, население, экономика, военный потенциал, включая его ядерный компонент (German, 1960). В развитие этого подхода модель Р. Клайна предполагает синергию слагаемых мощи, включающих население, территорию, состояние экономики, военный потенциал, стратегию и национальную волю (Cline, 1977). При этом современная политическая реальность является более сложной и многоаспектной, чем период биполярного противостояния. Хотя значимость материальных факторов сохраняется, военная мощь более не является единственным критерием получения высокого статуса в международной иерархии (Барабаш, 2025), но ее значение отнюдь не падает, и ее не стоит недооценивать.

Осмысление реалий XXI в. подвигло исследователей к расширению перечня значимых параметров мощи национальных государств. А.Ю. Мельвиль и соавторы предложили обобщенную концептуализацию традиционных и новых факторов могущества и влияния: во-первых, ресурсно-экономическое (население, территория, запасы углеводородов, ВВП, экспорт товаров и услуг, НИОКР и др.); во-вторых, военное (военные расходы, численность армии, наличие ядерного оружия и способов его доставки и др.); в-третьих, институциональное (роль в ООН, МВФ и других международных организациях); в-четвертых, «мягкая сила» (качество высшего образования и научных

исследований, привлекательность национальных университетов для зарубежных студентов и др.) (Мельвиль, 2018). А.Ю. Мельвиль особо выделяет роль и значение политической воли и стратегии как своего рода «внересурсного» компонента, который в определенных ситуациях может компенсировать ресурсные (в широком смысле слова) ограничители и даже выходить на первый план в усилиях «восходящих» государств и групп государств, стремящихся к изменению своего положения и статуса в условиях меняющегося мирового порядка (Мельвиль, 2018).

В то же время происходит трансформация и самих государств. А.-М. Слоттер обратила внимание на феномен «трансгосударственности», суть которого заключается в создании «межправительственных сетей» между различными государствами. Иными словами, министерства и ведомства одного государства начинают интенсивно взаимодействовать с соответствующими структурами другого государства, формируя устойчивые связи (Slaughter, 2004). А.-М. Слоттер продемонстрировала данный феномен на примере Евросоюза. Однако феномен «трансгосударственности», по всей видимости, выходит за рамки ЕС (Лебедева, 2024).

Предлагаемый выпуск «Сравнительной политики» включает *case-studies*, характеризующие разнонаправленную по содержанию эволюцию ряда политий, включая некоторых участников БРИКС и членов ЕС.

Панорама действительно многообразна. Прежде всего, уместно затронуть китайский сюжет, который представлен в нынешнем номере журнала «отраженным светом» рецензии. Представленная в статье И.Г. Чубарова книга И.Ю. Зуенко «Китай в эпоху Си Цзиньпина» убедительно свидетельствует о том, что современная информационная политика КНР не случайно разделяет современную историю КНР на «до Си» и «новую эпоху» под его руководством. Для понимания феномена современного Китая данное издание ценно фокусировкой на фигуре нынешнего руководителя Китая.

Необходимо подчеркнуть: хотя Си Цзиньпин возглавил Китай в тот период, когда страна уже обрела статус одного из лидеров современного мира, правление Си Цзиньпина действительно значительно выделяется даже на фоне стремительно восходящей динамики КНР последних сорока лет. Конечно, впечатляющие достижения КНР последнего полувека были бы невозможны без масштабного стратегического видения будущего страны ее лидерами. Однако, несмотря на стратегическое целеполагание и напряженные усилия по развитию экономики, риторика китайского руководства длительное время была весьма умеренной в формулировках — построение «социализма с китайской спецификой», создание «сяокан» — общества средней зажиточности, устройство «гармоничного общества». Стилистика постановки задач заметно изменилась именно после избрания в ноябре 2012 г. Си Цзиньпина генеральным секретарем КПК: впервые после образования КНР была сформулирована «китайская мечта о великом возрождении китайской нации» — программа обретения Китаем лидерских позиций глобально-

го масштаба, конституирования в качестве нового центра многополярного мира. Уже в первом после избрания лидером партии публичном выступлении Си Цзиньпин сформулировал этапы достижения этой цели: к 100-летию образования Компартии в 2021 г. предполагалось окончательно покончить с нищетой и обеспечить средний достаток. А к 100-летию образования КНР в 2049 г. Китай по основным параметрам должен войти в круг великих держав мира. Наблюдатели обратили внимание на то, что уже в первом программном выступлении после избрания генсеком КПК Си Цзиньпин продемонстрировал стратегическую глубину своего видения *текущего периода* пятитысячелетней истории Поднебесной – на 170 лет назад, от начала первой Опиумной войны (1840), и на 37 лет вперед, до столетия образования КНР (2049), т.е. текущий период мыслится им в масштабе 200 лет. Свое правление Си начал с постановки перед китайской нацией долговременной задачи, измеряемой масштабом столетия.

Чуть позже Си Цзиньпин конкретизировал концепцию «китайской мечты», назвав три главных условия ее осуществления: движение по пути социализма с китайской спецификой; возвышение китайского духа и его ядра – патриотизма; объединение сил нации, включающей 56 национальностей 1,3-миллиардного населения. А уже осенью 2013 г. Си Цзиньпин представил концепцию мегапроекта «Один пояс, один путь», включающего создание Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI в., – транзитно-транспортной системы, призванной связать Китай со странами Евразийского континента и Африки (Гаман-Голутвина, 2016).

Возвращаясь к книге И.Ю. Зуенко, следует отметить, что рассмотрение личности лидера КНР представлено через его достижения и достижения страны, причем в различных областях жизни – от демографии и городской архитектуры до футбола и кинематографа. Проведенный в книге анализ убеждает в том, что многие из изменений, связываемых с именем председателя КНР, имеют глубокие исторические корни, и подводит к выводу о том, что политический курс Си Цзиньпина не имел альтернативы в случае ориентации на удержание статуса мирового лидера. Историческая роль Си Цзиньпина состоит в том, что он смог реализовать этот курс.

В развитие темы эволюции стран БРИКС логичным представляется сравнительное рассмотрение молодыми учеными из Института Африки РАН А.А. Уфимцевым и С.Н. Замесиной научно-образовательной политики новых членов БРИКС Египта и Эфиопии, которые рассматривают этот вектор как инструмент комплексного развития своих стран. Перспективы БРИКС в немалой мере определяются тем, как новые члены БРИКС интегрируются в существующие модели взаимодействия (Модернизация и демократизация в странах БРИКС, 2015). В формате бинарного *case-studies* рассмотрено развитие науки и образования в двух новых членах БРИКС – в Египте и Эфиопии, в том числе на материале анализа стратегических документов этих двух стран. Очевидно, что и вызовы, и возможности Египта и Эфиопии различны в силу значительного разрыва в уровне экономического развития, уровня развития науки

и технологий, что создает риски для интенсификации сотрудничества внутри БРИКС в целом. Существенны и иные затруднения. Так, несмотря на существование большого числа форматов взаимодействия и совместных инициатив, объем научной кооперации между учеными из стран БРИКС по-прежнему остается ограниченным. Среди китайских авторов с пятью и более зарубежными аффилиациями число ученых с одновременной аффилиацией в Китае и ЮАР значительно уступает числу публикаций с китайско-ирландской или китайско-ливийской аффилиацией, несмотря на сравнительно меньшие масштабы последних стран. Это может быть связано с различными причинами, среди которых – сохраняющееся лидерство университетов США и стран Европы, высокая распространенность английского языка в этих странах и его доступность для исследователей, высокий уровень жизни в развитых странах и т.д.

Авторы правомерно отмечают: сложен не только сам процесс научно-образовательного развития в упомянутых странах по причине слабых исходных позиций, но даже изучение этого измерения сталкивается с немалыми трудностями. Основным партнером по публикациям для многих стран БРИКС остаются Соединенные Штаты, что отражает не только инерцию научной среды, но и предпочтения самих исследователей, которые, согласно референтному опросу, среди стран БРИКС только Китай рассматривают в качестве подходящего для научной коллаборации партнера. Сложности налаживания сотрудничества связаны также с различной специализацией стран БРИКС, что несколько затрудняет научную кооперацию. Кроме того, осложняет дело разрыв между членами БРИКС в возможностях финансирования научно-технологического сектора. В то время как доля расходов на НИОКР в ВВП Китая и ОАЭ увеличивается довольно быстро, у остальных участников заметна тенденция к ее сокращению, что влияет на качество развития научной сферы. Наконец, не прояснена в полной мере взаимосвязь академического сотрудничества с «эффектом БРИКС»: в этот клуб входят многие страны-лидеры мировой науки, и трудно оценить, в какой степени академическое сотрудничество между ними может быть объяснено фактом членства в этом объединении. Тем не менее, хотя декомпозиция «эффекта БРИКС» является затруднительной, молодые авторы стремятся выявить механизмы, которые могли бы потенциально стимулировать развитие академических коллабораций внутри БРИКС.

В том числе с этой целью к 2025 году в рамках БРИКС сформированы форматы взаимодействия, соответствующие целям и принципам Меморандума о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций. Однако эффективность этих форматов по многим индикаторам, например, по числу научных коллабораций, является ограниченной, и задача объединения на перспективу – улучшение этих показателей. Присоединение новых членов к БРИКС может менять форматы сотрудничества по мере того, как новые страны вступают в научно-образовательное партнерство с государствами-основателями БРИКС.

Еще одна молодая сотрудница Института Африки РАН Д.А. Туряница обращается к опыту другого члена БРИКС – Южной Африки – к результатам состоявшихся в 2024 г. парламентских выборов. Их итоги сенсационны: впервые за 30 лет существования демократической Южной Африки правящая партия – Африканский национальный конгресс – утратила парламентское большинство. Этот исход выборов Д. Туряница правомерно характеризует как поворотный момент, после которого АНК может утратить статус политического лидера страны. Поэтому автор сосредоточена на изучении причин утраты АНК поддержки со стороны немалого числа избирателей, детально рассматривая основные этапы подготовки к голосованию и предвыборные кампании различных политических партий – как новичков, так и тех, кто много лет участвует в электоральной конкуренции. Логично внимание не только традиционно важным для выборов вопросам (финансирование партий и стратегии мобилизации избирателей), но и специфическим обстоятельствам. К категории последних относится появление партии экс-президента ЮАР Джейкоба Зумы. Проведенный анализ позволяет автору идентифицировать источники снижения показателей АНК на выборах, включая экономические проблемы; коррупцию и неэффективное управление правительством на местах; изменение демографического состава населения, включая рост не связанного с временами апартеида молодого населения. Важнейшим сюжетом размышлений является изучение первых шагов нового официального руководства страны и формирования им внутренней и внешней политики. Первостепенное значение имеет вопрос о том, как произошедшие изменения во внутренней политике повлияют на внешнеполитический курс ЮАР в качестве участника БРИКС и одного из основных государств-представителей Глобального Юга.

Коль скоро речь идет о Глобальном Юге и Глобальном Востоке, уместен предложенный Е.М. Кожокиным взгляд на процессы, происходящие в Таджикистане, что позволяет глубже понять происходящие и грядущие в постсоветских государствах Центральной Азии перемены. Эти страны стоят перед необходимостью обновления. Однако здесь обстоятельства принципиально отличны от тех, что существуют в упомянутых выше новых членах БРИКС. Если Эфиопия и Египет в XXI в. устремились к преодолению нищеты и технологической отсталости, стартуя с весьма уязвимых позиций, то в постсоветской Центральной Азии после обретения независимости в результате распада СССР имели место выраженные тенденции деиндустриализации экономики и шире – системной архаизации социальных отношений (Динамика инноваций, 2011), что было обусловлено в том числе массовым оттоком квалифицированных кадров из республики в связи с гражданской войной начала 1990-х гг. и масштабным усилением национализма. Обретение независимости этой страной, как и большинством других постсоветских стран, сопровождалось поисками оснований новой идентичности (Политический класс в современном обществе, 2012), что определяло актуализацию идеологических оснований национального строительства. Обращение Е.М. Кожокина к опыту Таджикистана не случайно, ибо эту страну с Россией связывают особенно

тесные узы. Обоснованную тревогу вызывает повышенная уязвимость страны с точки зрения возможностей внешнего воздействия на нее. Особую опасность для республики представляют структуры радикального исламизма, осуществляющие де факто идеологическую и психологическую войну против государства. Поэтому в центре внимания автора статьи – неоднородность умонастроений граждан Таджикистана. Архаизация сознания немалой части общества, низкий уровень образования сельской молодежи обуславливают уязвимость молодежного сегмента (и не только его) по отношению к радикальным идеям. Повышение качества школьного и вузовского образования, распространение знания русского языка – важные предпосылки устойчивости по отношению к исламизму в Таджикистане и равно отвечают долгосрочным интересам и Таджикистана, и России, которые являются союзниками в борьбе против распространения идей радикального ислама. Однако эта потенциальная возможность отнюдь не гарантирует автоматического воплощения совпадения интересов – политическому классу двух стран предстоит большая работа по созданию новых ценностных ориентиров.

Продолжая рассмотрение политических процессов в стане мирового большинства, А.Ю. Варшавский обращается к чилийскому опыту партийной политики, расценивая коалиционность как институциональное воплощение демократических принципов. Чилийский кейс представляет интерес и как прецедент успешного поставторитарного развития, и как важный элемент общего латиноамериканского контекста, отмеченного вторым по счету в XXI в. «левым поворотом» на континенте (при заметных отличиях этих двух волн). Анализ ключевых факторов, оказавших влияние на становление современного политического дизайна Чилийской Республики, показывает, что современное состояние политической сферы этой страны несет на себе отражение травмирующего опыта военной диктатуры, преодоление которой потребовало колоссальных усилий общества, а действующая политическая система формировалась с целью недопущения эксцессов авторитаризма. Одним из механизмов «противоядия» ему в настоящее время выглядит партийная коалиционность: в стране с сильной президентской властью партийная система включает две широкие партийные коалиции – левоориентированную и правоцентристскую, составляющие устойчивую основу поддержания демократических институтов страны. Анализ формально-правовых полномочий президента показал, что наделенный широкими правами глава исполнительной власти является центральной фигурой. При этом конституционный дизайн побуждает его взаимодействовать с парламентскими коалициями в условиях отсутствия парламентского большинства. Партийной коалиционности способствует также конфигурация электоральной системы, в рамках которой малые партии в условия электоральной конкуренции вынуждены взаимодействовать с более крупными коалициями. В системном плане устойчивость чилийских партий обусловлена в том числе получившими развитие на протяжении трех последних десятилетий навыками широкого политического участия и сформировавшимися за этот период демократическими

институтами, позволяющими интегрировать запросы населения в политический процесс. Коалиционная система продолжает обеспечивать стабильность политической системы, поддержание которой будет зависеть от способности политических акторов решать острые социально-экономические проблемы Чили.

Представляемый выпуск «Сравнительной политики» включает также рассмотрение европейских реалий на материалах французского и немецкого кейсов. Случай Франции представлен результатами дискурс-анализа А.В. Веретевской и В.А. Хачатрян образа российского государства, отраженного в публичных выступлениях Франсуа Миттерана, президента Франции в 1981-1995 гг. В третьей декаде XXI в. Россия столкнулась с неконструктивной позицией французского руководства – президент Франции Э. Макрон занял выраженно антироссийскую позицию в рамках российско-украинского конфликта. Рассмотренный в журнале казус показателен, поскольку демонстрирует: даже в относительно спокойные и «вегетарианские» времена европейским грандам не была нужна сильная России – предпочтительным и востребованным ее качеством в восприятии европейских политиков являлась слабость. Так, вопреки историческим фактам Миттеран утверждал, что сильная Россия представляла потенциальную угрозу для Франции. Между тем общеизвестно, что Россия приходила во Францию вовсе не по своей инициативе: в марте 1814 г. русские войска во главе с императором Александром I триумфально вступили в Париж в ходе отражения наполеоновского вторжения в Россию. Взятие столицы Франции стало завершающим сражением антинаполеоновской кампании 1814 г. В восприятии Ф. Миттерана идеальная Россия – слабая в военно-политическом плане страна, являющаяся частью европейского политического пространства, однако не обладающая правом выбора своей роли и тем более не имеющая права голоса в европейской политике (при том, что европейская часть РФ занимает 42% территории Европы). Кейс Миттерана показывает: даже в наиболее спокойные и кооперативные периоды европейской истории, отмеченные существованием благоприятных условий для двустороннего взаимодействия, когда Россия позиционировалась (в том числе французским руководством) в качестве союзника, осознание Россией права на собственные национальные интересы интерпретировалось французскими политиками как угроза Франции, как «имперские амбиции». Иначе говоря, Россия в восприятии Миттерана – если и союзник, то отнюдь не равноправный; при этом конфигурация российской политической системы значения не имеет. Ход исследования приводит авторов к малооптимистическому выводу о том, что к равноправному сотрудничеству с Россией, вне зависимости от ее политического режима, Франция, вероятно, никогда не была готова.

Комментируя это суждение, нахожу уместным вспомнить мысль И.А. Ильина, который еще в 1948 г. писал: «Вот уже полтора столетия Западная Европа боится России. Никакое служение России общеевропейскому делу (семилетняя

война, борьба с Наполеоном, спасение Пруссии в 1805–1815 гг., спасение Австрии в 1849 г., спасение Франции в 1875 г., миролюбие Александра III, Гаагские конференции, жертвенная борьба с Германией 1914–1917 гг.) – не весит перед лицом этого страха; никакое благородство и бескорыстие русских государей не рассеивало этого европейского злопыхательства <...> это основное отношение Европы к России: Россия – это загадочная, полуварварская “пустота”; ее надо “евангелизировать” или обратить в католичество, “колонизировать” (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих западно-европейских целей и интриг; а впрочем – ее необходимо всячески ослаблять» (Ильин, 1992: 60).

Еще более рельефно вышеупомянутые установки европейских политиков на ослабление России артикулированы в современной Германии, что нашло отражение в статье А.Е. Павлова, анализирующего эволюцию дискуссий в этой стране по вопросу отношения к ядерному оружию. Несомненно, эти дебаты следует рассматривать в контексте объявленной 27 февраля 2022 г. тогдашним федеральным канцлером ФРГ О. Шольцем «смены эпох» (*Zeitenwende*), что предполагало увеличение военных расходов в объеме не менее 2 процентов ВВП, перевооружение бундесвера и решение его военно-технических и организационно-административных проблем, создание в ФРГ самой сильной европейской неядерной армии, а по сути – невероятную еще недавно ставку Германии на военную силу в международных отношениях.

Исходно страна имеет сложную историю отношения к ядерному оружию; государственность современной ФРГ предполагает отказ от производства, владения и распоряжения оружием массового уничтожения, включая ЯО. В ретроспективе украинского кризиса с 2014 г. отмечались два всплеска активизации общественных дебатов по теме: в 2016–2017 гг., когда в период первого президентства Д. Трамп заметно ужесточил позицию по отношению к европейским союзникам, и после начала СВО. Уже в 2022 г. ряд немецких экспертов по безопасности призывали перейти от обсуждения ядерного фактора в привычном контексте разоружения и контроля над вооружениями к его рассмотрению в прикладном военном отношении. Как отмечает автор, новизна текущего момента состоит в том, что ядерная тема перестала быть табуированной на высоком политическом уровне, войдя в публичную повестку.

Нынешний этап дискуссий характеризуется возрастанием статуса их участников, как в рамках политического класса, так и за его пределами, и расширением политического спектра сторонников развития автономного от США ядерного потенциала. Особо выделяется позиция партии «Союз 90 / Зеленые», которая вопреки традиционным пацифистским установкам стала главным сторонником ремилитаризации Германии и активной военной поддержки Украины.

Анализ содержания дискуссий об отношении страны к собственному ядерному оружию приводит автора к выводу о том, что в настоящее время наиболее реалистичным вариантом для Германии предстает сотрудничество

бундесвера с Францией и Великобританией. Однако это вряд ли будет означать ядерное вооружение Германии и не сможет заменить совместные ядерные миссии НАТО под эгидой США.

Упоминание ядерного потенциала Франции побуждает упомянуть отличия французской позиции от немецкой. Политики Германии с первых дней СВО использовали украинский кризис в качестве объяснения кризисных явлений в экономике ФРГ и одновременно – как инструмент изменения международной и внутренней политики Германии, прежде всего в плане отхода от прежних умеренных внешнеполитических установок. Правительство Шольца апеллировало к мнимой российской угрозе для системной реформы бундесвера (включая масштабное переоснащение вооруженных сил), устранения экономической зависимости от поставок российских энергоносителей и перехода к «зеленой» экономике. Во Франции драматическая эскалация украинского кризиса в 2022 г. и позже не привела к масштабным изменениям внутренней и внешней политики. Франция как постоянный член Совбеза ООН и «ядерная» держава не видела для себя необходимости укреплять свой международный статус по примеру ФРГ посредством трансформации внешнеполитических установок (Соколов, 2024).

В одном из предыдущих выпусков «Сравнительной политики» П.П. Тимофеев и М.В. Хорольская, сопоставляя подходы Германии и Франции, также констатировали, что стратегии двух стран, обусловленные историческими предпосылками и разницей в военно-технических потенциалах, различны. Французское видение предполагает достижение амбициозной цели – превратить ЕС в полюс силы, связанный с НАТО, но обладающий «стратегической автономией» и собственными гарантиями безопасности в виде французского «ядерного зонтика» при поддержке – по причине ограниченности собственных материальных ресурсов – европейских союзников, в особенности Германии. Последняя же ратует за совмещение двух приоритетов – укрепления национальной и европейской безопасности и избежания утяжеления финансового бремени. С этой точки зрения оптимальной ФРГ считает опору на существующие гарантии США в рамках НАТО (Тимофеев & Хорольская, 2024: 149–150).

Не завершать настоящий обзор на пессимистической ноте помогает посвященная рассмотрению кейса российско-турецкого сотрудничества в Арктике совместная статья российского и турецкого авторов – Е.В. Киенко и А.Г. Чалык. Эта коллаборация демонстрирует, что даже членство в НАТО может не быть препятствием для сотрудничества при наличии обоюдной заинтересованности и политической воли с обеих сторон. Ориентированная на проведение активной внешней политики Турция рассматривает этот регион как новую точку проецирования своих интересов, включающих получение статуса наблюдателя в Арктическом Совете, повышение научно-технических компетенций в проведении полярных исследований и др. Однако как неарктическое государство она не располагает объемом прав,

сопоставимых с теми, что имеют арктические прибрежные государства. Россия как обладающее подобным статусом арктическое прибрежное государство, причем обладающее самой большой береговой линией в Арктическом регионе и долгой историей участия в нем, является определяющим актором в развитии правового режима морских районов Арктики. Исследование показывает, что потенциальные возможности сотрудничества между Россией и Турцией в Арктике существуют в таких областях, как научные исследования, коммерческое судостроение, энергетические проекты. В будущем двустороннее сотрудничество может расшириться до развития инфраструктуры Северного морского пути и участия Турции в проектах по эксплуатации полезных ископаемых и их разведке.

Сегодня, в контексте высокой международной турбулентности и интенсивной конфликтности, такие перспективы могут быть восприняты как *wishful thinking*. Однако известная пословица гласит: «глаза боятся, а руки делают». Именно конструктивная деятельность – вопреки обстоятельствам и препятствиям – позволяет преодолевать преграды. Изложенные в формате *case-studies* вышеупомянутые сюжеты настоящего выпуска «Сравнительной политики» дают основание вновь предложить: *contra spem spero*. Дорогу осилит идущий...

Список литературы:

1. Аптер Д.И. (1999) *Сравнительная политология. Политическая наука: новые направления*. М.: Издательство «Вече»: 378–379.
2. Барабаш Б.А. (2025) *Трансформация роли малых государств в мировой политике в начале XXI века*. Диссертация... канд. полит. наук. М.: Издательство «МГИМО».
3. Гаман-Голутвина О.В. (2005) Развитие категории «политическая культура» в общественно-политической мысли. *ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза* 1(2): 38–49.
4. *Динамика инноваций* (2011) Под ред. В.И. Супруна. Новосибирск.
5. Гаман-Голутвина О.В. (2015) Методы и виды сравнительных исследований. *Сравнительная политология*. М.: Издательство «Аспект Пресс»: 70–110.
6. Гаман-Голутвина О.В. (2016) Феномен БРИКС как попытка ответа на вызовы глобальной конкуренции. В кн.: *Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития*. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс.
7. Гаман-Голутвина О.В. (2020) Виды, уровни и дизайны компаративных исследований. *Политическая компаративистика*. М.: Издательство «Аспект Пресс»: 105–127.
8. *Государство в политической науке и социальной реальности XXI века* (2020) Под ред. И.С. Семененко, В.В. Лапкина, В.И. Пантина. ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир». 6–7.
9. Ильин И.А. (1992, ориг. 1948) Против России. В кн. «Наши задачи». *Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг. Париж-Москва*. В 2-х тт. М.
10. Ильин М.В. (2008) Возможна ли универсальная типология государств? *Политическая наука* 4: 8–41.
11. Клепацкий Л.Н. (2009) Роль государства в международных отношениях в условиях глобализации. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения* (14): 133–144.
12. Кокошин А.А. (2005) *Реальный суверенитет в современной мирополитической системе*. М.: Европа: 140.

13. Кокошин А.А., Кокошина З.А. (2024) *О контурах формирующейся новой центросиловой структуры системы мировой политики*. М.: Издательство «URSS».
14. Лебедева М.М. (2024) В поисках нового мирового порядка: интересы акторов мировой политики. *Политическая наука* (2): 108.
15. Мельвиль А.Ю. (2004) Новые вызовы для политической науки. *Политическая наука* (2): 16–36.
16. Мельвиль А.Ю. (2018) Могущество и влияние современных государств в условиях меняющегося мирового порядка: некоторые теоретико-методологические аспекты. *Политическая наука* (1): 173–200.
17. *Модернизация и демократизация в странах БРИКС: сравнительный анализ (2015)*. М.: Аспект Пресс.
18. *Политический класс в современном обществе (2012)*. Библиотека РАПН. М: Росспэн.
19. Соколов А.П. (2024) Проблемы антикризисного реагирования франко-германского тандема после 2022 года. *Сравнительная политика* (2): 76–91.
20. Тимофеев П.П., Хорольская М.В. (2024). Дилеммы европейской безопасности: сравнение подходов Германии и Франции к соотношению роли ЕС и НАТО после 2022 года. *Сравнительная политика* (4) :132–154.
21. Almond G. (1988) The Return to the State. *American Political Science Review* 83: 853–901.
22. Badie B., Berg-Schlosser D. & Morlino L. (2011) *International Encyclopedia of Political Science*. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore; Washington D.C.: Sage. Vol. 2.
23. Bates R. (2007) From Case Studies to Social Science: A Strategy for Political Research. *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. Oxford University Press.
24. Claude L.L. (1988) *States and the Global System: Politics, Law and Organization*. New York: St. Martin Press.
25. Cline R.S. (1977) *World power assessment 1977: a calculus of strategic drift*. Boulder: Westview press: 206.
26. Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. (1985) *Bringing the state back in*. Cambridge: Cambridge University Press: 390.
27. German C.F. (1960) A tentative evaluation of world power. *Journal of conflict resolution*. L: Thousand Oaks, CA 4 (1): 138–144.
28. Gerring J. (2017) *Case Study Research: Principles and Practices*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2 ed.
29. Herron M. C., Quinn K.M. (2016) A careful look at modern case selection methods. *Sociological Methods & Research* 45(3): 458–92.
30. Landman T. (2008) *Issues and Methods in Comparative Politics. An Introduction*. Routledge, 3 ed.
31. Lijphart A. (1971) Comparative Politics and the Comparative Method. *American Political Science Review* 65: 691–693.
32. Lijphart A. (1975) *The Politics of Accommodation: Pluralism and Democracy in the Netherlands*. Berkeley: University of California Press, 2 ed.
33. Mikaberidze A. (2011) *Conflict and Conquest in the Islamic World: A Historical Encyclopedia*. Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO.
34. Mokken R.J., Stokman F.N. Power and influence as political phenomenon. *Power and political theory: Some European perspectives* (B. Brian (ed.)). L.: Wiley: 40.
35. Putnam R. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton University Press.
36. Ragin C. (1987) *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley: University of California Press.
37. Rose R. (1991) Comparing Forms of Comparative Analysis. *Political Studies* 39: 454.
38. Sartori G. (1970) Concept Misformation in Comparative Politics. *The American Political Science Review* 64(4): 1033–1053.
39. Slaughter, A. (2004). *The Real New World Order*. Princeton. NJ: Princeton University Press 7(3): 368.

40. Steinberger P.J. (2015) The State as a Universe of Discourse. *The Concept of the State in International Relations* (edited by Schuett R. and Stirk P.M.R). Edinburgh: Edinburgh University Press: 48–80.
41. Wendt A. (1987) The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. *International Organization* 41(3): 335–370.

Comparative Politics. Volume 16. No. 1. January–March / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-1-16-1

MOSAIC OF REGIONAL STUDIES: A CASE-ORIENTED APPROACH

Dr. Oksana Viktorovna GAMAN-GOLUTVINA – Head, Department of Comparative Politics, MGIMO University; President, Russian Association of Political Science; Editor-in-Chief, “Comparative Politics Russia” Journal; Member, Civic Chamber of the Russian Federation and Moscow; Corresponding Member, Russian Academy of Sciences; Professor, HSE University.

ORCID: 0000-0002-2660-481X. E-mail: ogaman@mail.ru

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Abstract: The article is devoted to clarifying the heuristic possibilities of the case-based approach (case study) in comparative political science. This approach correlates with ideographic knowledge within the framework of the division of epistemology into nomothetic (comprehension of patterns) and ideographic (descriptive) sciences (W. Windelband); with understanding knowledge within the framework of the distinction between explanatory and understanding sciences (V. Dilthey) and a rich (thick) description in contrast to the “unsaturated” (thin) (K. Geertz).

By identifying different types of knowledge, the case-oriented approach acquires a three-dimensional sound, meaning and content, opens up opportunities for in-depth development of political and theoretical concepts based on the reference material for the topic and allows you to obtain a rich texture in details and specifics. The relevance of the casual approach is largely determined by the limited resources needed to explore a significant number of countries, sometimes due to linguistic or geographical restrictions.

The specifics of the case study determine such an important requirement for the choice of a case as an informed choice of study objects. Since political institutions and processes are the central object of political science, and given the central role of the state as a key institution of political architecture, the configuration of the state and the policies it produces are the core of regional studies. Due to the fact that the concept of the state is an umbrella term and is characterized by conceptual tensions, it can potentially be applicable to polities of different times, which forms a request for clarification of the conceptual framework for considering the state as a category of political science.

Since States as independent actors determine the “rules of the game” in the context of international anarchy, it is the level of states as units of analysis that underlies structural and systemic studies of international relations and world politics: sovereign states act as the basic “cells” of the modern world order, despite the increasing importance of non-state actors. The position of a State in a hierarchical international system is derived from its national power, which, according to classical approaches, is interpreted as a derivative of parameters such as territory, population, economy, and military potential, including its nuclear component.

The proposed issue of Comparative Politics contains a diverse panorama of case studies characterizing the multidirectional evolution of a number of policies, including some BRICS members and EU members.

Keywords: comparative political science, case-study, case-oriented approach, state, national power, BRICS

References:

1. Almond G. (1988) The Return to the State. *American Political Science Review* 83: 853–901.
2. Apter D.I. (1999) *Comparative political science. Political science: new directions [Sravnitelnaya politologiya. Politicheskaya nauka: novye napravleniya]*. Moscow: Veche Publishing House: 378–379. (In Russian).
3. Badie B., Berg-Schlosser D. & Morlino L. (2011) *International Encyclopedia of Political Science*. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore; Washington D.C.: Sage. Vol. 2.
4. Barabash B.A. (2025) *Transformation of the role of small states in world politics at the beginning of the 21st century. Dissertation... Cand. of Political Sciences [Transformatsiya roli malykh gosudarstv v mirovoy politike v nachale XXI veka. Dissertatsiya... kand. polit. nauk]*. Moscow: MGIMO Publishing House. (In Russian).
5. Bates R. (2007) From Case Studies to Social Science: A Strategy for Political Research. *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. Oxford University Press.
6. Claude L.L. (1988) *States and the Global System: Politics, Law and Organization*. New York: St. Martin Press.
7. Cline R.S. (1977) *World power assessment 1977: a calculus of strategic drift*. Boulder: West-view press: 206.
8. *Dynamics of innovation [Dinamika innovatsiy]* (2011) V.I. Suprun (ed.). Novosibirsk. (In Russian).
9. Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. (1985) *Bringing the state back in*. Cambridge: Cambridge University Press: 390.
10. Gaman-Golutvina O.V. (2005) Development of the category "political culture" in socio-political thought [Razvitie kategorii «politicheskaya kul'tura» v obshchestvenno-politicheskoy mysli]. *POLITEX. Political expertise [POLITEKS. Politicheskaya ekspertiza]* 1(2): 38–49. (In Russian).
11. Gaman-Golutvina O.V. (2015) *Methods and types of comparative research. Comparative political science [Metody i vidy sravnitel'nykh issledovaniy. Sravnitel'naya politologiya]*. Moscow: Aspect Press Publishing House: 70–110. (In Russian).
12. Gaman-Golutvina O.V. (2016) The BRICS Phenomenon as an Attempt to Respond to the Challenges of Global Competition [Fenomen BRIKS kak popytka otveta na vyzovy global'noy konkurentsii]. In: *Political Science Facing the Challenges of Global and Regional Development [Politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya]*. O.V. Gaman-Golutvina (ed.). Moscow: Aspect Press. (In Russian).
13. Gaman-Golutvina O.V. (2020) *Types, Levels, and Designs of Comparative Research. Political Comparative Studies [Vidy, urovni i dizayny komparativnykh issledovaniy. Politicheskaya komparativistika]*. Moscow: Aspect Press Publishing House: 105–127. (In Russian).
14. German C.F. (1960) A tentative evaluation of world power. *Journal of conflict resolution*. L: Thousand Oaks, CA 4 (1): 138–144.
15. Gerring J. (2017) *Case Study Research: Principles and Practices*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2 ed.
16. Herron M.C., Quinn K.M. (2016) A careful look at modern case selection methods. *Sociological Methods & Research* 45(3): 458–92.

17. Ilyin I.A. (1992, orig. 1948) Against Russia [Protiv Rossii]. In: *"Our Tasks". Historical Fate and Future of Russia. Articles 1948-1954. Paris-Moscow* [«Nashi zadachi». Istoricheskaya sud'ba i budushchee Rossii. Stat'i 1948-1954 gg. Parizh-Moskva]. In 2 volumes. Moscow. (In Russian).
18. Ilyin M.V. (2008) Is a Universal Typology of States Possible? [Vozmozhna li universal'naya tipologiya gosudarstv?]. *Political Science* [Politicheskaya nauka] 4: 8–41. (In Russian).
19. Klepatsky L.N. (2009) The Role of the State in International Relations in the Context of Globalization [Rol' gosudarstva v mezhdunarodnykh otnosheniyakh v usloviyakh globalizatsii]. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations* [Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istorika. Mezhdunarodnye otnosheniya] (14): 133–144. (In Russian).
20. Kokoshin A.A. (2005) *Real Sovereignty in the Modern World Political System* [Real'nyi suverenitet v sovremennoy miropoliticheskoy sistem]. Moscow: Evropa: 140. (In Russian).
21. Kokoshin A.A., Kokoshina Z.A. (2024) *On the Contours of the Forming New Centro-Power Structure of the World Political System* [O konturakh formiruyushcheysoya novoy tsentrosilovoy struktury sistemy mirovoy politiki]. Moscow: URSS Publishing House. (In Russian).
22. Landman T. (2008) *Issues and Methods in Comparative Politics. An Introduction*. Routledge, 3 ed.
23. Lebedeva M.M. (2024) In Search of a New World Order: Interests of World Politics Actors [V poiskakh novogo mirovogo poryadka: interesy aktorov mirovoy politiki]. *Political Science* [Politicheskaya nauka] (2): 108. (In Russian).
24. Lijphart A. (1971) Comparative Politics and the Comparative Method. *American Political Science Review* 65: 691–693.
25. Lijphart A. (1975) *The Politics of Accommodation: Pluralism and Democracy in the Netherlands*. Berkeley: University of California Press, 2 ed.
26. Melville A.Yu. (2004) New Challenges for Political Science [Novye vyzovy dlya politicheskoy nauki]. *Political Science* [Politicheskaya nauka] (2): 16–36. (In Russian).
27. Melville A.Yu. (2018) The Power and Influence of Modern States in the Context of a Changing World Order: Some Theoretical and Methodological Aspects [Mogushchestvo i vliyaniye sovremennykh gosudarstv v usloviyakh menyayushchegosya mirovogo poryadka: nekotorye teoretiko-metodologicheskie aspekty]. *Political Science* [Politicheskaya nauka] (1): 173–200. (In Russian).
28. Mikaberidze A. (2011) *Conflict and Conquest in the Islamic World: A Historical Encyclopedia*. Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO.
29. *Modernization and Democratization in the BRICS Countries: A Comparative Analysis* [Modernizatsiya i demokratizatsiya v stranakh BRIKS: sravnitel'nyy analiz] (2015). Moscow: Aspekt Press. (In Russian).
30. Mokken R.J., Stokman F.N. Power and influence as political phenomenon. *Power and political theory: Some European perspectives* (B. Brian (ed.)). L.: Wiley: 40.
31. *Political Class in Modern Society* [Politicheskii klass v sovremennom obshchestve] (2012). Library of the Russian Academy of Political Sciences. Moscow: Rosspen. (In Russian).
32. Putnam R. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton University Press.
33. Ragin C. (1987) *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley: University of California Press.
34. Rose R. (1991) Comparing Forms of Comparative Analysis. *Political Studies* 39: 454.
35. Sartori G. (1970) Concept Misformation in Comparative Politics. *The American Political Science Review* 64(4): 1033–1053.
36. Slaughter, A. (2004). *The Real New World Order*. Princeton. NJ: Princeton University Press 7(3): 368.

37. Sokolov A.P. (2024) The Challenges of Crisis Response of the Franco-German Tandem after 2022 [Problemy antikrizisnogo reagirovaniya franko-germanskogo tandema posle 2022 goda]. *Comparative Politics Russia [Sravnitel'naya politika]*(2): 76–91. (In Russian).
38. Steinberger P.J. (2015) The State as a Universe of Discourse. *The Concept of the State in International Relations* (edited by Schuett R. and Stirk P.M.R). Edinburgh: Edinburgh University Press: 48–80.
39. *The State in Political Science and Social Reality of the 21st Century [Gosudarstvo v politicheskoy nauke i sotsial'noy real'nosti XXI veka]* (2020) I.S. Semenenko, V.V. Lapkin, V.I. Pantin (eds.). IMEMO RAS. Moscow: Ves Mir Publishing House. 6–7. (In Russian).
40. Timofeev P.P., Khorol'skaya M.V. (2024) European Security Dilemmas: A Comparison of Germany and France's Approaches to the Relationship of the EU and NATO Roles in Europe after 2022. [Dilemmy evropeyskoy bezopasnosti: sravnenie podkhodov Germanii i Frantsii k sootnosheniyu roli ES i NATO posle 2022 goda]. *Comparative Politics Russia [Sravnitel'naya politika]*(4): 132–154. (In Russian).
41. Wendt A. (1987) The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. *International Organization* 41(3): 335–370.